

- ⁹ См.: Исповедь блаженного Августина. VII, 13; X, 13.—М., 1914.
- ¹⁰ См.: Теория Блаженного Теодорита, епископа Кирского, ч. V, сл. 6.—М., 1957.
- ¹¹ См.: Критика буржуазных концепций всеобщей истории. Вып. 2.—Алма-Ата, 1973.
- ¹² См.: История Византии, т. 2.—М., 1967.
- ¹³ Иванов В. Таинства Агнца.—Московский патриархат, с. 69.
- ¹⁴ См.: Голубинский Е. История русской церкви, т. 1, полов. 1.—М., 1880, с. 512 (далее — ИРЦ).
- ¹⁵ См.: Памятники старинной русской литературы, вып. 1.—СПб, 1860, с. 71.
- ¹⁶ Канонические ответы митрополита Иоанна. Русская историческая библиотека (далее — РИБ), т. VI, ч. I.—СПб, 1880, с. 11.
- ¹⁷ Цит. по: Романов Б. А. Указ. соч., с. 45.
- ¹⁸ Лаврентьевская летопись. Полн. собр. рус. летописей, т. 1.—СПб., 1846, с. 152.
- ¹⁹ Патерик Киевского печерского монастыря.—СПб., 1911, с. 198.
- ²⁰ См.: Там же, с. 78—79, 180, 223, 246.
- ²¹ См.: РИБ, с. 79.
- ²² См.: Голубинский Е.—ИРЦ, т. 1, п. 1.—М., 1901, с. 473.
- ²³ См.: Зимин А. А. Указ. соч., с. 372.
- ²⁴ См.: Романов Б. А. Указ. соч., с. 226.
- ²⁵ Поучение исповедающимся.—РИБ, т. VI.—СПб., 1908, с. 123.
- ²⁶ См.: Романов Б. А. Указ. соч., с. 53.
- ²⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 204.

А. Н. ВАГАНОВА

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ФЕОДАЛЬНЫХ ЗАМКОВ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Одним из аспектов проблемы типологии поселений эпохи Киевской Руси является вопрос о древнерусском феодальном замке. Появление на территории Древней Руси укрепленных феодальных усадеб-замков, упоминаемых в летописях под названиями «дом», «двор», «град», явилось несомненным признаком утвердившегося феодализма. Вопрос о времени их появления тесно связан с проблемой генезиса феодализма на Руси. Из всего многообразия типов поселений древнерусского времени феодальные усадьбы-замки представляют собой наименее исследованный вид археологических памятников, история их слабо освещена письменными источниками. «Полная неизученность русских феодальных замков раннего средневековья приводила к ошибочным выводам в оценке русского феодализма в целом»¹. Необходимость систематического изучения специфики древнерусских феодальных замков неоднократно выдвигалась в качестве первоочередной задачи советской археологической науки. Впервые вопрос о русских феодальных замках был поднят в выступлении А. В. Арциховского на пленуме Государственной Академии истории материальной культуры в 1933 году. Попытка постановки вопроса о древнерусских феодальных замках с привлечением археологических материалов была предпринята исследователем и в статье «Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях» (1934), где он писал о необходимости выяснения и отыскания древнерусских усадеб-замков, типичных для эпохи раннего феодализма, считая задачу их археологического выявления вполне реальной. Однако отнесение А. В. Арциховским маленьких болотных городищ Смоленщины к замкам было ошибочным, так как определение социально-экономической сущности поселения на основании одних только внешних данных трудно.

М. И. Артамонов в «Обзоре археологических источников эпохи феодализма в Восточной Европе» (1935) говорил о неправомерности противопоставления деревенской общинной Руси феодальному Западу как страны, лишенной наиболее характерного внешнего признака феодализма — феодальных замков. Уже в то время исследователь уверенно намечал возможность на археологическом материале показать и доказать происхождение господствующего класса Древней Руси в результате социально-экономического расслоения общества.

Проблема феодального замка поднималась в качестве основной «степени новизны, значимости, а также невнимания к ней» в статье Н. Н. Воронина «К вопросу об археологическом изучении поселений эпохи феодализма» (1934). В историческом очерке, написанном Н. Н. Ворониным в следующем году, проблема сельского поселения феодала, с одной стороны, деревни и крестьянского двора, с другой, вновь выдвигается в

качестве важнейшей для истории феодальной Руси². Вопрос о классификации поселений на основе археологических источников им в то время еще не ставился.

Основные типы древнерусских поселений исследуются Н. Н. Ворониным в специальном разделе фундаментального труда «История культуры Древней Руси» (1951). Полное развитие усадеб дофеодального периода, принадлежавших «полуродовой», «полуфеодальной» знати, в замки феодального типа он относит к XI—XII векам. Тщательный анализ летописных и письменных источников позволил Н. Н. Воронину нарисовать яркую картину двора крупного феодала — «хором», определить функциональное назначение каждого элемента жилого комплекса «хором» — «сеней», «клетей», «грядницы», «скотницы», «бретяницы» и т. д.

Проблема феодального замка получила свое развитие и в трудах академика Б. Д. Грекова. Он относил появление феодальных замков на Руси уже к VII—VIII векам. Анализируя Краткую и Пространную Правды, Греков проводит прямую аналогию между двором средневекового рыцаря, сидящего в своем фамильном вооруженном гнезде-замке, и «хоробами» Русской Правды.

К проблеме феодального замка обращался в 1952 году П. Н. Третьяков. Сопоставляя собственные археологические наблюдения с данными летописей, он высказал предположение, что остатки древних городищ — «градов» в древлянской земле — представляют собой феодальные замки³. Тем не менее, конкретные признаки замка как формы поселения, типичной для эпохи феодализма, не были определены и к моменту выхода в свет работы А. В. Успенской и М. В. Фехнер «Поселения Древней Руси»⁴. Очевидно, этим объясняется некоторая условность классификации поселений лесной полосы Восточной Европы.

Большой вклад в разработку проблемы древнерусского феодального замка внес академик Б. А. Рыбаков. Еще в 1948 году в работе «Ремесло Древней Руси» на примере Ковшаровского городища в Смоленской земле он показал, что технический уровень ремесленного производства провинциальной боярской усадьбы был значительно выше уровня развития деревенского ремесла, отметив при этом, что для изучения феодальных замков еще недостаточно привлекаются археологические источники. В 1949 году, проводя археологические исследования окрестностей Чернигова, он обратил внимание на рассредоточенность дружинных погребений вокруг города. «Только владение землей, необходимость быть в селах, прочная связь с пригородными вотчинами» могли, по его мнению, создать такую яркую картину рассредоточения черниговского некрополя⁵. Боярская усадьба, по характеристике Б. А. Рыбакова, была важнейшей ячейкой феодального общества, где благодаря отчуждению части крестьянских запасов накапливались материальные и людские резервы, создавались условия для расширенного производства. Сравнивая «молекулу» феодального общества (боярскую усадьбу) с маленьким родовым поселком, с его «принудительным равенством нищеты», Б. А. Рыбаков показывает прогрессивность боярства в эпоху раннего феодализма как класса, способного обеспечить более высокий уровень развития производительных сил⁶. Благодаря археологическим исследованиям Б. А. Рыбакова в Любече в 1957—1960 годах, впервые появилась возможность воссоздать и реконструировать облик крупного княжеского замка XI—XII веков — резиденции черниговского князя. Любеч и по сей день — единственный пример досконально археологически изученного крупного княжеского замка. Специальный раздел, посвященный феодальному замку, написан Б. А. Рыбаковым для двенадцатитомной «Истории СССР с древнейших времен до наших дней» (1966). Феодальный замок в описании Б. А. Рыбакова предстает перед нами в виде маленькой «крепостницы», образованной несколькими деревянными срубами, поставленными вплотную друг к другу по кругу, где могло проживать 20—30 человек. Именно так должны были сооружаться первые феодальные замки, по мнению Б. А. Рыбакова, тысячами возникавшие уже в VIII—IX веках по всей Руси, знаменуя собой установление феодальных отношений.

Впервые четкие археологические признаки феодального замка были выделены В. В. Седовым, изучавшим владельческие поселения замкового типа (Воищинское и Бородинское городища) в Смоленской земле, результаты исследования которых были опубликованы в 1960 году⁷. Эти памятники до сего времени являются едва ли не единственными всесторонне

археологически изученными сельскими феодальными усадьбами на территории Древней Руси. К признакам, отличающим феодальные замки от рядовых сельских поселений относятся: наличие укреплений, находки предметов вооружения, среди которых выделяются оружие, типичное для быта феодалов, предметы снаряжения всадника и верхового коня, наличие стеклянных браслетов как элементов городской культуры, проникавших в быт феодалов, значительная имущественная дифференциация, прослеживаемая по археологическому материалу, характеру построек. Признаки, отличающие феодальные усадьбы от городов: сельскохозяйственная основа экономики, слабое одностороннее развитие ремесленного производства, небольшие размеры (чуть более одной тысячи квадратных метров). Время появления укрепленных феодальных усадеб-замков В. В. Седов относит к XI—XII векам.

Критерии замка, определенные В. В. Седовым, были существенно дополнены П. А. Раппопортом в специальной статье, посвященной типологии древнерусских поселений⁸. Между исследователями имеются расхождения в определении одного из существенных признаков феодального замка — его размеров. В. В. Седов, продолжив изучение городищ Смоленской земли, максимальные размеры укрепленных феодальных усадеб сельского типа условно определяет до 3 тыс. кв. м. Городища площадью свыше 4 тыс. кв. м. он относит к поселениям городского типа⁹. П. А. Раппопорт считает возможным относить к городским лишь те поселения, укрепленная площадь которых составляет не менее 1—2 га. Поселения меньшей площади, по его мнению, следует относить к сельским. Очевидно, оптимальные размеры феодальных усадеб-замков определяются при сопоставлении большого количества их планов в масштабах всего древнерусского государства, с учетом специфики местных условий.

Признаком феодального замка П. А. Раппопорт считает небольшую мощность культурного слоя поселения, в то время как В. В. Седов полагает, что плотно застроенные и обжитые укрепленные усадьбы имели достаточно мощный культурный слой. К безусловным характеристикам феодального замка оба исследователя относят наличие признаков имущественной дифференциации в археологическом материале — дорогих привозных изделий, амфор, золотых и серебряных украшений, стеклянных браслетов, большое количество рыцарского оружия, богатое жилище, т. е. городской характер культуры в сочетании со слабым, односторонним развитием ремесла. Названия феодальных усадеб восходят в большинстве случаев к именам их владельцев (Воищина, Бородинское, Ковшаровское городища, по В. В. Седову). С именем волынского боярина Мстибога связывает П. А. Раппопорт название Мстибогова городка в западнорусских землях. Таковы, в общих чертах, признаки феодального замка, которыми, на наш взгляд, необходимо руководствоваться при выделении их из остальной массы поселений древнерусского времени.

За последние годы археологическое изучение древнерусских замков значительно продвинулось вперед. Ряд городищ в окрестностях древнего Галича обследовался украинским археологом В. И. Довженком. В 60-е годы П. Н. Третьяков, обследуя городища Смоленской земли, около двадцати памятников отнес к типу феодальных замков. Феодальные замки в земле вятичей изучались Т. Н. Никольской. В процессе изучения исторической географии земли вятичей Т. Н. Никольская выделила целый ряд памятников, причисляемых ею к категории феодальных замков. Выявленные и обследованные украинскими археологами городища в Болоховской земле, верховьях Случи, Тегерева, Южного Буга предположительно связываются ими с летописными «градами» — замками болоховских князей.

Определенная степень изученности и наличие точных критериев феодального замка не избавляют многих исследователей от слишком произвольного, в некоторых случаях, оперирования термином «замок». Тенденция смещения замков с поселениями, имеющими иной социальный облик, имела место до недавнего времени и продолжает проследиваться в новейших публикациях. Термин «замок» применяется по отношению и к собственно замкам — феодальным усадьбам, и к городам, и к крепостям. Памятники, относимые к категории феодальных замков, порой ничего общего с ними не имеют. В частности, В. И. Довженко, идентифицируя феодальные замки с военными поселениями типа Райковецкого и Колодяжинского городищ, относит к феодальным замкам и укрепленные сторожевые города, построенные Владимиром в первой половине XI века на южных рубежах

древнерусского государства¹⁰. На неправомерность отождествления феодальных замков с военно-оборонительными сооружениями общегосударственного значения указывал в свое время П. А. Раппопорт. Укрепленное жилище феодала — замок безусловно являлся крепостью, но крепость эта была предназначена в первую очередь для защиты самого феодала, а не обороны страны.

А. В. Куза считает возможным использовать для характеристики быта «феодальных замков-крепостей» материалы Щучинского городища на Днепре (летописный Чучин)¹¹. Отнесение к феодальным замкам памятников типа Щучинского городища, имеющего укрепленный детинец площадью 1,2 га (по сведениям В. И. Довженка — 2,7 га) и околный город площадью 3,7 га, вряд ли правомерно. Украинский археолог А. А. Ратич в 1957—1961 годах производил раскопки городища в местечке Судовая Вишня между Звенигородом и Перемышлем¹². Определяя памятник в одних случаях как феодальный замок, в других как замок и крепость одновременно, он отмечает наличие в нем посада, детинца, околного города, т. е. признаков, присущих городу, а не феодальному замку.

В «Обзоре общих явлений русской истории IX — середины XIII веков» (1962) Б. А. Рыбаков говорит об увеличении количества феодальных замков с ремесленными посадами в XI—XII веках. Если речь идет о посаде, то это уже не замок в чистом виде, а город, развивавшийся на основе замка. Так как на территории Древней Руси значительное количество городов возникало на основе феодальных усадеб (так называемый «замковый» путь происхождения города), представляется возможным использовать материалы городских раскопок для характеристики феодального замка. К таким городам, выросшим на основе феодальных замков, в западных землях Руси относятся Волковыск, Рогачев, Клецк, Стрешин и др.

В особую категорию феодальных замков выделяются крупные княжеские резиденции. Являясь замками по своей социально-экономической сущности, по всем остальным признакам они отличаются от рядовых сельских усадеб, имеют значительно большую площадь, иной характер застройки, мощную систему укреплений. К этой группе замков относятся Любеч в Черниговском княжестве, Боголюбов под Владимиром, княжеская резиденция Юрия Долгорукого Кидекша близ Суздаля, Мстиславль во Владимирском княжестве, Новый Ольгов городок в Рязанской земле, упоминаемый Воскресенской летописью.

Проблемы социальной дифференциации древнерусских поселений еще далеки от своего окончательного разрешения, но их необходимо ставить и решать на каждом новом этапе накопления материала. Феодальные замки Древней Руси еще ждут своих исследователей. Примеров их полного археологического раскрытия пока немного, но имеющийся материал нуждается в обобщении, систематизации и научном анализе для воссоздания всеобъемлющей картины жизни феодального замка и его функций в XI—XIII веках.

¹ Рыбаков Б. А. Любеч — феодальный двор Мономаха и Ольговичей. — Краткие сообщения ин-та археол., 1964, № 99, с. 21.

² См.: Воронин Н. Н. К истории сельского поселения феодальной Руси. — Известия Гос. Академии матер. культуры. — Л., 1935, вып. 138.

³ См.: Третьяков П. Н. Древлянские грады. — В кн.: Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. — М., 1952.

⁴ См.: Успенская А. В., Фехнер М. В. Поселения Древней Руси. — Труды Гос. историч. музея, 1956, вып. 32.

⁵ Рыбаков Б. А. Древности Чернигова. — Материалы и исследования по археол. СССР, 1949, № 11, с. 52.

⁶ См.: Рыбаков Б. А. Обзор общих явлений русской истории IX — середины XIII века. — Вопросы истории, 1962, № 4, с. 43.

⁷ См.: Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. — Материалы и исследования по археол. СССР, 1960, № 92, с. 122.

⁸ См.: Раппопорт П. А. О типологии древнерусских поселений. — Краткие сообщения ин-та археол., 1967, вып. 110.

⁹ См.: Седов В. В. Городища Смоленской земли. — В кн.: Древняя Русь и славяне. — М., 1978, с. 147.

¹⁰ См.: Довженко В. И. Сторожевые города на юге Киевской Руси. — В кн.: Славяне и Русь. — М., 1968, с. 37.

¹¹ См.: Куза А. В. Археологическое изучение древнерусских городов в 1962—1976 годах. — Краткие сообщения ин-та археол., 1979, № 155, с. 11.

О. И. ХАНКЕВИЧ

К ВОПРОСУ О ПРОЦЕДУРЕ ГОЛОСОВАНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ТРИБУТНЫХ КОМИЦИЯХ

Законодательные собрания триб (триба — один из 35-ти административных округов древнего Рима), которые классифицируются в источниках III—I веков до н. э.¹ как *concilia plebis* (собрания плебса), происходили на площади Капитолия в Риме. Выбор места для проведения комиций (комиции — общее название римских народных собраний) зависел от того, какого характера они были: избирательного, судебного или законодательного. Дело в том, что для каждого из них существовал в этот период свой метод голосования триб. Последние подавали голос одновременно при выборах и последовательно — при отправлении актов законодательства и юрисдикции. Для одновременного голосования нужна была такая площадь, на которой разместилось бы сразу 35 колонн голосующих триб. Именно таким местом и было Марсово поле, где проводились все избирательные всенародные трибутные комиции конца II—I веков². Обычным же местом законодательных и судебных собраний триб были форум и Капитолий³. Источники показывают, что такой порядок голосования в трибутных комициях возник не сразу, а в процессе длительного исторического развития.

Чтобы лучше понять процедуру голосования в законодательных собраниях, следует хотя бы кратко остановиться на характеристике римских триб. Появление их относится к тому периоду, когда Рим был небольшим городом-государством. Его жители распределялись по четырем городским трибам — Субурана, Эсквилина, Коллина и Палатина, в которые входило население не только Рима, но и близлежащих сельских округов⁴. В результате территориальных захватов, а отчасти и путем реорганизации ранних куриатных регионов, в конце царского — начале республиканского периода на территории Рима были созданы 17 новых триб. Одиннадцать из них носят имена самых влиятельных патрицианских семей. Остальные также названы именами родового характера, но не отождествляются ни с одним из известных в те времена родов⁵.

С 387 по 241 год постепенно образовалось еще 14 сельских триб. После 241 года новые трибы уже не создавались и поэтому союзники, получавшие *civitas cum suffragio* (римское гражданство с избирательным правом), приписывались к одной из существующих триб путем расширения ее территории и состава. Термин «*Tribus XXXV*» стал с этого времени синонимом «*populus Romanus*». Сокращенное до трех букв название трибы было частью официальных данных каждого римлянина (Cic., *ad fam.*, VIII, 8, 4—8).

В создании триб 22—35 прослеживается одна закономерность: количество их постоянно оставалось нечетным. Мы объясняем это тем, что с введением в 471 году способа голосования по трибам в собраниях плебса, а чуть позже — в комициях всего народа, трибы из чисто территориально-административных объединений стали превращаться в политические. Нечетное же количество триб исключало такой результат голосования, когда за или против проводимого мероприятия проголосовало бы одинаковое число их.

Каким же был состав древнеримских триб? В сельских трибах регистрировались все крупные и средние землевладельцы, проживавшие как в Риме, так и в сельской местности. Примечательно, что половина патрицианских родов, давших имена первым одиннадцати сельским трибам, были зарегистрированы и в тех из них, которые возникли поз-